

От автора бестселлера
The New York Times
«Как повесить ведьму»

Призрачный огонь

АДРИАНА МЭЗЕР

Trendbooks thriller

Адриана Мэзер

Призрачный омут

«Издательство CLEVER»

2017

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

Мэзер А.

Призрачный омут / А. Мэзер — «Издательство CLEVER»,
2017 — (Trendbooks thriller)

ISBN 978-5-00154-123-3

Саманта Мэзер принадлежит к проклятому роду. Призраки, духи и злой рок преследуют девушку с тех пор, как она поселилась в Салеме. В 1912 году тетя и дядя Саманты Мэзер вошли на «Титаник». Спустя сто лет после трагических событий Саманта начинает видеть сны о зловещем корабле. Чем больше девушка погружается в мир снов, тем страшнее становится опасность, которая ей грозит. Сможет ли она изменить прошлое, пока призрачный омут не затянул ее в свои глубины навсегда?

УДК 82-311.3
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-00154-123-3

© Мэзер А., 2017
© Издательство CLEVER, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Адриана Мэзер

Призрачный омут

Моей потрясающей семье. Вы всегда поддерживали мои мечты и помогли ко всему относиться с юмором. Вы – мои герои!

Глава 1

Избежать любой ценой

Я отпиваю немного горячего какао, не дешевого разведенного порошка из пакетика, а настоящего домашнего напитка с густым шоколадным вкусом. Миссис Мэривезер ставит тарелку исходящих паром круассанов на середину обеденного стола. Они ароматно пахнут тающим сливочным маслом, а Джексон ухмыляется, готовясь впиться зубами в тост:

– Ты опять с утра выглядишь как панк-рокерша.

Ощупываю волосы и чувствую, что они действительно встали торчком. Улыбаюсь.

– Зато не забыла смыть зубную пасту с лица.

Джексон даже не оглядывается на мою фразу, а продолжает спокойно жевать.

– Сэм против Джекса – утро понедельника, раунд первый, – комментирует отец, наливая вторую порцию кофе в кружку с надписью «ПАПА НОМЕР 1», и смотрит на миссис Мэривезер. – Боюсь, наши дети пошли по нашим стопам, Мэй. Соседи, лучшие друзья, угрюмые характеры.

Миссис Мэривезер прикладывает к уголкам рта белую тканевую салфетку и заявляет:

– Я была ангелом, если мне память не изменяет. Это твоя мама грозила, что ее сын будет целый месяц полоть сорняки в саду, если она еще раз найдет рогатку на своем рабочем столе.

Папа улыбается ей в ответ, а я внезапно замираю, переставая жевать. Пока он лежал в коме, я словно брела по бесконечному темному коридору. Уверена, когда-нибудь я привыкну, что он вот так просто сидит рядом, пьет кофе и улыбается. Но последние шесть месяцев каждое мгновение с папой кажется украденным временем.

– Ни для кого не секрет, что рогатка была твоя. – Глаза папы лукаво поблескивают. – Не рановато для склероза? Может, тебе стоит чаще разгадывать кроссворды?

Миссис Мэривезер поднимает брови.

– Осторожней со словами, Чарли, а то я расскажу, как ты пытался подшутить над мисс Уолтерс. Ключевое слово здесь «пытался». – Она поворачивается к нам с Джексон. – Думаю, вы знаете ее как миссис Хоксли.

– Что, ты в детстве разыграл мою учительницу? – спрашиваю отца. Неудивительно, что та всегда подозрительно косится на меня.

Папа качает головой. Я вижу в нем благородство и достоинство: седина на висках, уверенность, большие карие глаза. Если отец захочет, то может весь мир заставить заткнуться одним своим видом – стоицизмом и строгими рубашками, застегнутыми на все пуговицы. Но сейчас он энергичен и весел, наслаждается жизнью.

– Я точно должен услышать эту историю! – восклицает Джексон.

Папа смотрит на часы:

– Разве вам не пора собираться в школу?

– Все было настолько плохо, па? – интересуюсь я, зачерпывая вилкой чернику со взбитыми сливками.

– Почему ты одета как мальчик? – раздается за спиной девичий голос.

Вилка со звоном выпадает из рук, черника летит в лицо Джексону, а я резко поворачиваюсь на стуле.

В полуметре от меня стоит девочка лет десяти в старомодном розовом платье. Ее каштановые волосы заплетены в две косички, перевязанные лентами. Она хихикает, шуря темные глаза и морща маленький носик, увидев, что одна улетевшая черника прилипает к щеке Джексона. Кроме нее, никто не смеется.

Джексон вытирает лицо и устремляет яростный взгляд на меня, не обращая на девочку ни малейшего внимания. По спине пробегает холодок – он ее не видит. Я зажмуриваюсь, переводя дыхание пару секунд, и вновь поворачиваюсь к столу. Папа, Джексон и миссис Мэриверзер с тревогой смотрят на меня.

– Все в порядке? – спрашивает миссис Мэриверзер.

Руки трясутся так, что я прячу их под столом.

– М-м... да.

– Уверена, Сэм? Выглядишь испуганной, – замечает папа, его хорошее настроение испарилось.

Кидаю беглый взгляд за спину – девочки там больше нет – и расслабляю плечи.

– Мне что-то послышалось.

– Что именно? – хмурится отец.

О том, что случилось, когда он был в коме, мы говорили лишь раз. Разумеется, я рассказывала только отдельные фрагменты. Как Вивиан продала нашу квартиру в Нью-Йорке и ушла от медицинской страховки, а когда ложь раскрылась, манипулировала мной, угрожая навредить друзьям. Как она пыталась убить нас с помощью колдовства, когда поняла, что я не стану подчиняться. И как собственная магия обернулась против нее. Отец слушал, почти не перебивая, нахмурившись. Когда я закончила, его глаза были полны слез. Он сказал, что мне лучше пойти поспать и поцеловал меня в лоб. Отец так и не узнал, сколько жертв на совести Вивиан, и я не рассказывала ему о своих магических способностях. От слова «заклинание» он дергался и нервничал, выглядел таким бесконечно виноватым, что мне было тошно рассказывать даже урезанную версию.

С тех пор папа больше не поднимал эту тему. И я благодарна за это, потому что невыносимо вспоминать, как я врала ему в лицо. Впервые в жизни.

– Какой-то шум, – говорю, опуская взгляд в тарелку.

Вот, еще одна ложь.

– Уж не призрак ли случайно объявился поблизости? – как бы между прочим интересуется миссис Мэриверзер.

Папа хмурится, услышав слово «призрак». Джексон и его мама знают, что я видела Элайджу, но папа об этой «маленькой» детали ничего не знает. Как бы я начала разговор об этом? «Ой, пап, я влюбилась в мертвого парня из семнадцатого века, упрямого и прекрасного. Но он исчез, а мне теперь чертовски дерьмово, потому что я пытаюсь забыть его».

– Э-э-э, наверное, просто показалось, – отвечаю я.

Миссис Мэриверзер поворачивается к папе.

– Поверь мне, Чарли, Саманте стоит научиться это контролировать, практиковаться. Иначе это будет не жизнь, а проходной двор, куда забредают все, кому не лень. А что будет, когда она выучится водить машину, сядет за руль, а призрак внезапно появится на сиденье рядом?

Я сижу прямо, каждая мышца тела напряжена: я готова избежать этого разговора любой ценой. Неужели миссис Мэриверзер рассказала отцу об Элайдже? Или до него дошли какие-то слухи? Какая же я идиотка, раз думала, будто все последствия рассосутся сами собой!

Папа смотрит на меня так пристально, что мы все молчим, ожидая его дальнейшей реакции.

– Сэм, ты сейчас кого-то увидела?

– Нет, – говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы голос оставался спокойным.

Папа вернулся домой, ребята в школе перестали ненавидеть меня. Теперь, когда Вивиан исчезла, неудачи остались в прошлом. Вивиан. В животе появляется нехорошая тяжесть. Я хочу лишь одного: чтобы у нас все было нормально, без странностей. Впервые за долгое время я по-настоящему счастлива.

– Тогда почему Мэй переживает из-за призраков, которые могут внезапно появиться? – Отец смотрит то на меня, то на миссис Мэриверзер.

Отодвигаю тарелку, избегая сочувственных взглядов Мэриверзеров. Слова застревают в горле.

– Осенью, во время того происшествия... я постоянно видела одного духа. – Чувствую, как краснеют щеки. – Но с тех пор ни один больше не появлялся.

Нет, я не вижу призраков. И не хочу. Только Элайджа был особенным. Он просто... совсем другой.

Отец щурится, уголки его глаз обрамляют морщинки.

– Обязательно скажи, если что-то подобное снова случится, – просит миссис Мэриверзер. – Когда ты увидела призрака в прошлый раз, слишком много ужасного произошло потом.

Мы встречаемся взглядами. Она намекает, что появление духа – дурной знак?

– Больше не надо... никаких разговоров об «обучении», Мэй. С Сэм все в порядке. – Папа говорит так резко, что миссис Мэриверзер удивленно приподнимает бровь.

– Пойду переоденусь, – произносит Джексон, отодвигая стул. В его голосе слышна та же неловкость, которая сковывает меня.

– Мне тоже пора, – бурчу себе под нос.

Отец откидывается на спинку стула.

– О-о-о, вот она, скрипучая Сэм, которую я знаю и люблю.

Замираю, млея от папиного юмора. Он с самого детства меня так подкалывает.

– Не начинай. Кто поверит, что я дерганая и ворчливая, если стану хихикать по утрам?

Папа улыбается в ответ, и я чувствую, что он рад сменить тему. Отодвигаю стул, вставая, хотя единственное, что сейчас хочется куда-нибудь «задвинуть», – замечание миссис Мэриверзер о том, что я видела призрака.

Глава 2

После повешения

Захожу в класс последней и занимаю свою парту аккуратно перед звонком. Сюзанна, Мэри и Элис сидят в ряд, как всегда, одетые в свои шикарные готические платья. Я тоже в черном, но рваном и повседневном, в отличие от их безупречных нарядов. Наследниц окружает мощная и таинственная аура, из-за которой непреодолимо хочется снова и снова глазеть в их сторону. Возможно, виной всему тот факт, что девочки – потомки салемских ведьм, а моим предком был Коттон Мэзер, занудный пуританский священник, который когда-то вздернул их на дереве.

Сюзанна одаривает меня сияющей улыбкой и накрывает мои пальцы своими – тонкими, с длинными черными ногтями. Когда она убирает руку, под моей ладонью спрятана сложенная записка. Понятия не имею, у кого эта девчонка научилась таким трюкам, но искренне ей завидую.

Миссис Хоксли нарочито кашляет.

– Тишина, у меня объявление! – Учительница делает паузу, ожидая, пока все успокоится. – Сегодня четвертое апреля, так что до Весеннего бала осталось две недели. Студенческий совет подсчитал все голоса и готов объявить тему этого года. – Она смотрит на расфуфыренных девушек, сидящих на задних партах. – Блэр, не соблаговолишь выйти к доске?

По кабинету пробегает взволнованный шепот. Я даже не подозревала, что можно так яростно сражаться из-за темы школьных танцев. Последние две недели поклонники «Маскарада Борджиа» и «Зачарованного леса» чуть не бросались друг на друга с кулаками в коридорах. Хотя, о чем я говорю? В Салеме костюмированные вечеринки важнее, чем Рождество на Северном полюсе. Искренне надеюсь, что победил не «Зачарованный лес». После случившегося в черном доме я привлекла слишком много внимания и боюсь, что бал на лесную тему снова подогреет интерес ко мне.

Наследницы не рассказали полиции ничего важного о том вечере, сославшись на шок и замешательство, что не помешало слухам о таинственной женщине, которая пыталась нас убить, разлететься по городу со скоростью света. Кажется, в Салеме только слухи и бессмертны. Полицейские до сих пор ищут «женщину-ворона», но мало кто знает, что ею была моя мачеха. И что она мертва.

Взгляды всего класса обращены на Блэр, неторопливо шествующую к доске. Следом тянется аромат ванили и лака для волос, а одета она так, словно сошла со страниц каталога Ральфа Лорена¹.

– Я рада поделиться с вами этой потрясающей новостью. – Блэр откидывает за спину несколько выбившихся волнистых прядей и обводит взглядом класс. – Несмотря на то, что в этом году предложили много хороших тем, одна идея оказалась лучшей и почти единогласно победила во время голосования.

– И она была твоя, да? – замечает Элис. – Лучшая идея-то.

Блэр растягивает губы в улыбке и уклончиво отвечает:

– Элис, нам запрещено раскрывать личность человека, предложившего тему. Но-о-о... скажу, что лично я не поддерживала ее.

– Ага, – хмыкает Элис. – Как им повезло, что ты такая несговорчивая.

---

¹ Ральф Лорен – американский модельер, дизайнер и предприниматель. Основатель компании *Polo Ralph Loren*, производителя одежды, аксессуаров, парфюмерии, мебели и других товаров для дома.

Я начинаю покашливать, чтобы скрыть рвущийся наружу смех. Миссис Хоксли смеряет Элис предупреждающим взглядом. Теперь, когда мы с Наследницами перестали враждовать, я могу по достоинству оценить ее едкие шуточки. От пренебрежительных замечаний Элис никому не скрыться.

– В итоге я рада сообщить, что в этом году темой бала выбран... – Блэр делает драматическую паузу. – «Титаник»!

Кабинет взрывается возмущениями и криками. Я прям откидываюсь назад на своем стуле. Фух.

– Это что, приколы? – восклицает Мэри. – «Титаника» даже в списках не было!

– Демократия погибла под гнетом Блэр и ее цыпочек, – поясняет Элис. – Теперь их диктатура – наше мрачное будущее.

– Хватит, – шикает на класс миссис Хоксли. – Что за чушь вы там несете?

Блэр никак не реагирует. Наоборот, выражение ее лица становится самодовольней.

– Это еще не все новости. Так как руководитель танцевального комитета является главой исторической кафедры нашей школы, остальные учителя согласились поддержать нас и скорректировать учебный план, уделив две ближайшие недели изучению темы бала. К тому же платья тех времен просто потрясающие.

Блэр выпускает восторженный писк и устремляется к своей парте, но многозначительно замирает, останавливаясь перед Мэттом, новым учеником по обмену из Англии. Подавшись в проход, он роется в своем рюкзаке, преграждая ей путь.

– Эй... алё! – протягивает Блэр.

Мэтт даже не думает отодвигаться.

– Ты же видишь, что спокойно можешь протиснуться мимо меня? Или кому ты там «алё» говоришь? – замечает Мэтт с британским акцентом, растягивая гласные.

Блэр чуть не скрипит зубами:

– Не слишком ли много себе позволяешь? Мэтт, ты меня даже не слушаешь!

Он достает из рюкзака ручку и поднимает взгляд на Блэр:

– Извини, ты что-то сказала?

– Ой... Проехали.

Она протискивается к своей парте. Мэтт довольно ухмыляется.

Я тоже не могу сдержать улыбку. Признаюсь, последние месяцы с удовольствием слежу за страстями, разыгрывающимися между Мэттом, Ники и Блэр. Не только из-за слухов о том, что Ники заказала себе парня на каком-то сайте, которые отвлекли всеобщее внимание от меня. Мэтт живет в доме Блэр, так что эта чокнутая троица устраивает сцены, достойные «Ривердэйла», прямо в коридорах школы. Невероятное зрелище!

Мэтт поднимает голову и перехватывает направленный на него взгляд, я мгновенно отворачиваюсь.

– Так, тишина в классе! Тема бала «Титаник» – и точка. Успокаиваемся и приступаем к работе, – заявляет миссис Хоксли.

Я разворачиваю под партой записку, которая оказывается вовсе не от Сюзанны.

*Встречаемся на стадионе у трибун после уроков. Нужно поговорить. Не
вздумай отказываться.
Элис.*

Я понимала, что когда-нибудь нам придется поговорить, просто не ожидала, что именно сегодня. Мы с Наследницами не собирались вместе с той памятной ночи. Несколько недель я соблюдала постельный режим, восстанавливалась после случившегося. Потом я все время посвятила отцу. Честно говоря, я не готова говорить о том, что случилось в лесу. Надеюсь,

что больше никогда не придется это обсуждать. О Вивиан даже вспоминать больно, душа до сих пор не на месте.

Смотрю на Элис, ее густо подведенные голубые глаза испытующе встречают мой взгляд. Порой кажется, что они сделаны из льда. Наклоняюсь к Наследнице... и тут между нами появляется утренняя девчонка. Я едва не утыкаюсь лицом в ее платице.

– Что за?..

Я вздрагиваю, отшатнувшись назад так резко, что едва не слетаю со стула, поэтому хватаюсь за столешницу, чтобы не грохнуться на пол. Девочка исчезает. Пытаюсь сесть ровно, все в классе, включая миссис Хоксли, смотрят на меня. Это ничего не значит. Пустяк. Пшик. Случайность.

– Паук, – поясняю я, миссис Хоксли хмурится. Я добавляю: – Большой и мохнатый.

Мэри подозрительно осматривает пол:

– Я тоже не любитель пауков.

Остальные поднимают ноги и проверяют сумки. Все, кроме Сюзанны, которая пристально смотрит на меня. Я отвожу взгляд. Раздается звонок.

– Сегодня не могу, – говорю Наследницам.

– Не можешь или не хочешь? – хмурится Сюзанна и надевает жакет в викторианском стиле поверх длинного черного платья.

– Сразу после школы нужно домой.

– Так давай мы проводим тебя до дома, – заявляет Элис, откидывая светлые пряди с лица так, словно те намеренно над ней издеваются.

Поджимаю губы и вздыхаю:

– Хорошо, давайте. Десять минут, больше никак...

– Ты злишься на нас? – спрашивает Мэри, вставая.

– Нет. Конечно, нет. – Я тоже поднимаюсь. – Я просто... ну... не хочу говорить о том, что тогда произошло.

– Что ж, отлично, я тоже, – соглашается Элис. – Эти две просто не затыкаются, а меня уже достало.

– А что теперь делать, если меня мучают кошмары? – возмущается Мэри, скреживая руки на груди.

Ее темные кудряшки слегка подпрыгнули в такт движению.

– О-о... Тогда зачем нам встречаться?

Может, они действительно хотят поговорить о чем-то другом?

– Нужно. Просто... поверь, – просит Сюзанна.

Она бросает взгляд на учеников, копошащихся в классе. Те хватают сумки и устремляются к дверям.

– Спорим, историки подтасовали голосование, чтобы темой бала стал «Титаник»? – спрашивает Мэри у Элис, когда все вышли.

Поднимаю свою черную сумку с пола, собираясь спрятать в нее тетрадь. В ярком свете ламп внутри поблескивает что-то серебристое. На самом дне сумки лежит странный металлический прутик с загнутым концом, похожий на вязальный крючок. Откуда он здесь? Оглядываюсь. Все спокойно, ничего подозрительного. Может, это крючок миссис Мэриверзер? Возможно, утром я случайно кинула его в сумку вместе с учебниками?

Застегиваю замок и иду в коридор. До сих пор не верится, что больше никто не шарается при виде меня. Заговорить со мной пока что никто не пытается, но в любом случае прогресс налицо.

Плеча касается чья-то рука, и я подскакиваю от неожиданности. Джексон смеется, цепляясь мозолистым пальцем за лямку рюкзака. В этом весь он: растрепанные волосы песочного цвета, уверенность в каждом жесте и лукавые искорки в глазах.

– Обо мне мечтаешь?

– Ага, жди, – смеюсь я в ответ.

Джексон распахивает передо мной дверь кабинета истории.

– А я и жду.

Секунду смотрю на него. Это шутка такая или флирт? За последние полгода мы с Джексонем стали друзьями. Пожалуй, лучшими друзьями. Он не лез ко мне с вопросами, дал время оправиться после произошедшего в лесу и исчезновения Элайджи. Даже проглотил ложь о том, что Вивиан якобы охотилась за деньгами отца, потому и сбежала, узнав, что он вышел из комы.

Мы привычно занимаем последние соседние парты.

– Знаешь, я сейчас подумала, что очень рада, что перестала быть «проклятой». Для всех я теперь – просто чудачка, которая видит призраков.

– Это Салем. Считай, ты мгновенно поднялась по социальной лестнице. Я почти уверен, что местные ясновидящие и экстрасенсы стоят всего на пару ступеней ниже мэра.

Я улыбаюсь:

– Неужели? О-о-о, тогда дай мне парочку лет, и увидишь, кто будет тут править.

– Да что ты говоришь? Уже составляю вишлист. Вручу, когда займешь кресло мэра. – Он делает паузу. – Кстати, о чудачествах. Что это за глюк был сегодня утром?

Безразлично пожимаю плечами, пытаюсь убедить скорее себя, а не Джексона:

– Будет ок, если мы не станем это обсуждать? На меня только недавно перестали кидать подозрительные взгляды.

Джексон медлит, словно собирается сказать что-то, но в итоге лишь качает головой и улыбается:

– Ок. Пока ты не летаешь по школе на метле, я в порядке.

Мистер Уордуэлл кладет передо мной какие-то распечатки. Как всегда, на нем твидовый пиджак.

– Еще несколько дополнительных заданий, Саманта. Я проверю их, и мы решим, что делать с двумя пропущенными экзаменами.

Киваю. Слышен звонок. Мистер Уордуэлл подходит к своему столу и поворачивается к классу.

– Что может быть лучше понедельника? Выходные прошли, и впереди целая неделя увлекательных занятий историей.

В ответ слышатся несколько стонов. Я бросаю взгляд на пустую парту Лиззи и вздыхаю. Как ни крути, а в том, что она уехала, частично виновата я. Лиззи – четвертая Наследница, и она переживала случившееся тяжелее, чем все мы. Она уехала из Салема вскоре после попытки Вивиан повесить нас и сейчас, как я слышала, учится в пансионе на севере Нью-Йорка.

– Полагаю, утром вам уже сообщили: мы скорректировали учебный план по истории, чтобы уделить время изучению истории «Титаника». Как глава исторической кафедры я также работаю с танцевальным комитетом и надеюсь, что ближайшие две недели будут захватывающими и веселыми. Вас ждет настоящее удовольствие. Дамы и господа, это невероятное и завораживающее историческое событие. Ужасающая трагедия, в которой погибло почти полторы тысячи женщин, мужчин и детей.

Он рассказывает о смерти сотен людей так, словно только что выиграл в лото:

– Когда в апреле 1912 года «Титаник» покинул берега Англии, выходя в свой первый рейс, он считался самым большим и шикарным кораблем в мире. Почти триста метров в длину, этот корабль называли плавучим городом огней. Бассейн с подогревом, перламутровая мозаика на стенах – на «Титанике» пассажирам была доступна любая роскошь, о какой только можно мечтать... за исключением спасательных шлюпок, которые могли бы спасти их.

Глава 3

Нам всем снятся кошмары

Я закрываю шкафчик и проверяю сообщения – пришло эсэмэс от Джексона. Джексон: «С Диллоном. Скоро будем».

Я: «Знаешь, мне еще нужно решить кое-какие дела. Не жди, езжай домой один».

Засовываю телефон в карман и направляюсь к стадиону. Толкнув заднюю дверь, едва не врезаюсь в Ники.

– Привет, Сэм.

Она поправляет сумочку цвета морской волны, висящую на обтянутом кашемиром плече. Я резко останавливаюсь. Ники со мной не разговаривает!

– Извини, я чуть не пришибла тебя дверью, – говорю я.

Ники отмахивается:

– Вообще, я хотела у тебя спросить... Не знаешь, Джексон с кем-нибудь встречается?

– Что, прости? – Хлопаю глазами.

– Ты же вечно рядом с ним, – заявляет Ники так, словно я какая-то зараза. – Подумала, вдруг ты знаешь.

Вообще не понимаю, что ей ответить. Ники хочет подкатить к моему лучшему другу и таким образом пытается намекнуть, чтобы я реже тусовалась с ним? Или что? Пробую сменить тему:

– А что у вас с Мэттом?

– Все кончено. – Ники крутит на запястье золотой браслет. – Так что, если бы ты могла...

– Отвали, Ники, – раздается у меня из-за спины голос Элис. – Сэм ради тебя и пальцем не шевельнет.

Ники злобно щурится. Элис хватается за руку и утаскивает на стадион. Прохладный ветерок доносит до нас запах свежескошенной травы, предвещающий весну.

– Так вы с Ники общаетесь? – спрашиваю я у Элис.

Она пожимает плечами:

– Ага, столько времени проводим вместе, что даже стали похожи, видишь?

Я не могу удержаться от смеха. За трибунами нас ждут Сюзанна и Мэри, их хрупкие готические силуэты чернеют на фоне деревьев. Нежное лицо Сюзанны озаряется улыбкой.

– Ну, зачем мы собрались? – спрашиваю, подходя ближе.

Слова звучат неуклюже. Каждый раз, когда мы пытаемся поговорить, диалог получается шизовым: кто-нибудь начинает говорить, потом вдруг понимает, что сказать вообще нечего, и беседа сходит на нет.

Пару секунд мы молчим, даже ветер затихает. Тишину нарушает Мэри:

– Нужно, чтобы ты пообщалась с духами.

Я хмурюсь.

– Мэри! – одергивает ее Сюзанна, а Элис награждает колючим взглядом. – Сэм, она просто торопит события. Мы не собираемся звать тебя к нам, чтобы проверить, не завелись ли привидения на чердаке. Просто вчера Элис кинула кости. Впервые после того, как Ви...

Вскидываю руку, не позволяя ей договорить:

– Нет. Вы обещали. Сказать честно? Я хочу навсегда забыть обо всем, что связано с магией.

– Да, это жест, но иначе никак, – вздохнула Элис. – Кости упомянули о тебе. Хочешь или нет, ты – часть их сообщения. Хватит прятаться, пришло твое время!

Она намекает, что я недостаточно быстро оправилась после того, как моя мачеха пыталась меня повесить?

– Знать ничего не хочу! Предпочитаю прожить жизнь подальше от таких вот ситуаций и историй, спасибо, – говорю я, отступая на пару шагов.

– То есть ты не станешь нас слушать, даже если случится что-то ужасное, а без твоей помощи мы не сможем это предотвратить? – интересуется Элис.

Долю секунды я стою, мучаясь сомнениями, а потом качаю головой.

– Саманта, подожди, – просит Сюзанна. – Мы понимаем, что после случившегося тебе непросто. Мы все долго приходили в себя после того, что сделала твоя мачеха. Мы все это время были с тобой, помнишь? И тоже чуть не погибли.

Вот она. Правда.

– Ты же говорила, что мы не будем говорить о В... – Имя застревает в горле.

Мэри дергает себя за кудряшки:

– Девочки, она не готова.

– Правда, что ли, Мэри? – Элис говорит так, словно не может поверить в то, что Мэри вообще умеет говорить.

Сюзанна в два грациозных шага преодолевает разделяющее нас расстояние, пряча меня от Мэри и Элис. От такой утонченной девушки невозможно просто отмахнуться, не мучаясь потом от чувства вины. Сюзанна смотрит, словно искренне желает, чтобы я сумела ее понять.

– Каждое утро я просыпаюсь, смотрю в зеркало и вижу призрачный красный след от веревки на шее. Мы все не можем забыть о том, что произошло. Нам всем снятся кошмары. – Голос ее спокоен. – Хорошо, давай не будем говорить о той ночи. Но нам нужно поговорить с тобой, это важно. Однажды ты доверилась мне, пожалуйста, доверься снова.

Я хочу уйти, но не могу отвести взгляд от Сюзанны и шумно выдыхаю. Надеюсь, мне не придется потом жалеть об этом.

– Хорошо, Элис. Я слушаю.

Элис указывает в сторону небольшой рощицы:

– После вас.

Мы проходим в заросли, прячась за деревьями от любопытных глаз. Мэри достает из сумки черный шерстяной плед и расстилает его на земле. Неохотно присаживаюсь рядом с Наследницами. Кажется, это тот же самый плед, на котором мы проводили ритуал прозрения.

– Что бы ты ни думала, Сэм, прямо сейчас ни одна из нас не готова иметь дело с потусторонним миром, – замечает Элис, стягивая волосы в хвост. – Лично я с удовольствием весь остаток года думала бы только о наряде на Весенний бал. И если б разные придурки из школы не распространяли лживые сплетни о той ночи, так бы и было, поверь. – Она вертит в пальцах сухой лист. – Мы с тех пор даже не колдовали. Вчера я решила погадать на костях только ради того, чтобы убедить Мэри: угроза миновала. Ты не представляешь, как она может достать, постоянно задавая один и тот же вопрос.

Мэри с театральным вздохом опускает голову на плечо Элис:

– Без меня ты бы пропала, и сама прекрасно это знаешь.

– Ну, конечно, – возмущается Элис, сталкивая Мэри с плеча. – В любом случае, о том, что произошло тогда в лесу, кости ничего нового не открыли, зато...

– Показали что-то странное, – выпаливает Мэри, не обращая внимания, что две Наследницы уставились на нее. – Что? Мы не можем точно сказать, но это плохой знак.

– Кости сказали, что ты должна стать частью нашего круга, – говорит Элис. – И пожалуйста, поверь, мы не пытаемся использовать тебя или втянуть во что-то. Я уже вижу, что ты думаешь, как бы сбежать от нас.

У меня перед глазами – пустая парта Лиззи. От магии не жди ничего, кроме беды.

– Кости предсказали, что скоро кто-то появится. – Сюзанна находит взглядом мои глаза, ожидая реакции. – Кроме того, мы получили предупреждение: если не начнем работать сообща, то станем подобны потерявшимся в пустыне странникам. «Тьма покроет вас, а путь обернется каменным сном...»

Элис отшвыривает листок:

– И все, точка! Сколько раз я ни кидала кости, выпадает одна и та же загадка.

– Умоляю, скажите, что это означает: много путешествий и никаких смертей. – Я сжимаю пальцами лоб. – «Путь обернется каменным сном»... Звучит адски противно.

Сюзанна поджимает губы:

– Мы не знаем. Как Элис уже сказала, мы не трогали кости с осени. И неизвестно, что за это время могли пропустить. – Она делает паузу. – Ты замечала что-нибудь странное в последние дни? Хотя что-нибудь?

– Например? – Я встречаюсь с ней взглядом.

– Ну, духов, – отвечает Сюзанна, а я отвожу глаза.

Черт бы побрал этот ее дар «считывать» людей!

Встаю. Нет, я не могу. Просто не могу. Я лишь недавно снова начала спокойно спать.

– Простите, но меня не будет в вашем круге. Сходить вместе в кино или погулять – без проблем! Но, если дело касается магии... просто «нет».

И ухожу, не дожидаясь ответа от них.

Глава 4

Что случилось той ночью

Запинаюсь, выходя на дорожку, ведущую к нашему дому. Браво! – Саманта! – восклицает миссис Мэриверзер, загружая башню изумительно упакованных коробок с выпечкой в свой пикап. – Как дела в школе? Надеюсь, больше не слышала странных звуков?

– Не-а.

Она внимательно вглядывается в мое лицо, словно хочет сказать что-то, но в итоге молчит. Я замираю, шагнув к двери.

– Интересно, а папа когда-нибудь расспрашивал вас о той самой ночи?

Миссис Мэриверзер наклоняет голову к плечу, размышляя:

– Твой отец всегда был молчалив и упрям, даже в детстве. Как-то летом он свалился с дерева и сломал палец. Даже когда тот раздулся, как сосиска, Чарли не желал признавать, что палец болит. Более того, снова залез и спрыгнул с дерева, просто чтобы доказать, что никогда не чувствовал себя лучше. – Она многозначительно приподнимает бровь. – Мне пора везти в пекарню новые рецепты, которые я на днях опробовала. Захочешь поболтать, заскакивай в любое время.

– Да, конечно, – вру я в ответ, распахивая боковую дверь.

В доме ни звука.

– Пап?

– В бальном зале! – раздается его голос справа от лестницы.

Прикрываю дверь и торопливо иду на голос. С каких пор комнату с фортепиано и неудобной даже на вид древней мебелью мы зовем «бальным залом»? Заходя, я мгновенно расслабляюсь при виде отца, живого и здорового. Честно говоря, с тех пор как Элайджа исчез, я сюда ни разу не заходила. На портрет Эбигейл, висящий в другом конце комнаты, стараюсь не смотреть. Глядя на него, единственное, что я вижу, – его глаза. Глаза, по которым я скучаю.

Стоп, больше никакой магии. И никакого Элайджи.

Папа стоит у обитого шелком дивана и рассматривает потолок.

– Что делаешь?

– Просто осматриваюсь, – с улыбкой говорит он. – Знаешь, когда твоя бабушка была жива, в этом зале никогда не бывало тихо. – Папа указывает на старый граммофон. – Здесь звучала музыка, а элегантные леди играли в бридж, попивая чай.

Улыбаюсь в ответ.

– Судя по твоим рассказам, у бабушки было мало друзей.

– В старости-то да. Но когда я был маленьким, а отец еще жив... – Он умолкает, не закончив. – Мне всегда казалось, что дом слишком большой для нас троих, но мама каким-то чудесным образом умела его заполнить. Она бы расстроилась, если б увидела, что сейчас этот зал пустует.

Отец садится на диван у камина. Последний раз он вспоминал о бабушке, когда мы обсуждали случившееся той ночью в лесу. Значит, сейчас он собрался говорить об этом? Папа похлопывает по подушке рядом с собой, и я присаживаюсь, выбирая место, с которого не буду видеть портрет.

Отец смотрит на меня:

– Как насчет того, чтобы нам вернуться в Нью-Йорк?

Что?!

– Уехать из Салема? Это из-за кошмаров? Да, мне тяжело пришлось... после случившегося. Но сейчас все намного лучше, клянусь. Я уже спокойно сплю, и...

Слова срываются с языка быстрее, чем я успеваю их осмыслить. Отец задумчиво морщит лоб.

– Я не говорю, что мы должны переехать. Просто предлагаю. Хочу убедиться, что ты всем довольна и счастлива. Знаю, у тебя здесь друзья.

– По крайней мере, один.

Папа улыбается:

– Судя по словам Джексона, тобой вся школа восхищается.

– Не верь ему. Джексон – неизлечимый оптимист. Они наконец-то перестали разбегаться, чуть завидев меня, – говорю я, поднимая взгляд на отца. – Но, пап, правда, мне тут нравится.

– Просто хочу убедиться, что мы сделали правильный выбор. Если тебе неприятно здесь, можем уехать.

– Забавно, но здесь я чувствую себя самой собой. Впервые за долгое время. А один друг – лучше, чем ни одного.

Он кивает:

– Ты же знаешь, я могу работать как из Салема, так и из Нью-Йорка. Никаких поездок в ближайшее время не планируется.

Папа кладет руку мне на плечи, и я прижимаюсь к нему, вдыхая знакомый мускусный аромат его лосьона после бритья. Он посмеивается.

– Что?

– Просто вспомнил, как сильно твоя мама ненавидела бабушкины вечеринки.

– Она ходила на них?

– Ее заставляла мать. А моя мама придерживалась особого дресс-кода для вечеринок, насколько можешь судить по обстановке дома. Обе родительницы заставляли твою маму соответствовать. Я частенько наблюдал, как она топталась среди обедающих дам и целенаправленно выдергивала из косы волнистые пряди. К концу вечеринки ее волосы были растрепаны, а на колготках появлялось не менее четырех дыр. Как-то раз, чтобы сбежать домой, она даже пролила на себя чашку чая, но у моей мамы мгновенно нашлось запасное платье подходящего размера.

Как же странно... я столько всего не знаю о маме.

– Вы тогда уже встречались?

– Н-е-е-ет, – снова смеется он. – Чтобы уговорить ее сходить на свидание, мне потребовалась вся юность. И еще год ушел на то, чтобы она перестала называть меня «Чудик Чарли».

– Мы уже целую вечность не говорили о маме.

Отец отводит взгляд в сторону камина:

– Эта комната способна пробуждать давно забытые воспоминания.

– Ты поэтому не хотел возвращаться? Из-за мамы? – Я запинаюсь. – Получается, всегда, когда я умоляла тебя поехать со мной в Салем...

– Поначалу да, – кивает он, – но потом отказывал тебе из-за бабушки, которая возомнила, будто в смерти твоей мамы виновато проклятие. Она никак не могла успокоиться. Разговоры на эту тему мне были неприятны. Мы начали ругаться, отдаляться друг от друга. Я не хотел, чтобы она прожужжала тебе уши своим бредом, пытался защитить. – Отец заметно нервничает. – А в итоге сам подверг тебя опасности, женившись на...

Папа замолкает, не смея произносить ее имя. Я поднимаю на него взгляд:

– Пап, не надо. Пожалуйста, не вини себя.

Вот поэтому я молчу. Как я могу рассказать ему обо всем, что натворила Вивиан? Хватит того, что отцу известна часть правды: мачеха пыталась меня повесить, а его ввела в магическую кому. Не представляю, что папа сделает, если выяснит, что сам шагнул в объятия женщины, которая убила маму и бабушку.

– Не переживай за меня. – Папа треплет меня по голове. – Тебе своих тревог хватает. – Он встает. – Есть хочешь? Мэй принесла коробку новых пирожных, маленьких горшочков из шоколада с муссом и меренгами.

Тоже поднимаюсь:

– М-м-м, я просто обязана это попробовать.

– Согласен.

Мы выходим в коридор, под ногами поскрипывают старые половицы. С портретов на стенах за нами наблюдают многочисленные лица предков. Жаль, бабушки больше нет, она могла бы поведать их истории. Я иногда нахожу исписанные ее почерком открытки о предметах мебели, распиханные по шкафам вместе со старыми дневниками, но это совсем другое.

Я осматриваю каждый портрет, мимо которого мы проходим. Кто-то из изображенных красив, кто-то – чересчур серьезен... Секундочку. Я резко останавливаюсь. Быть того не может!

– Пап...

– Да, милая? – Он тоже замирает.

– Эта картина, – указываю я на женщину в мантии. По телу пробегает холодок, волосы на руках встают дыбом. – Раньше рядом с ней стоял мужчина.

Папа хмурится:

– Не понял.

На портрете был мужчина, я уверена. Женщина стояла, а он сидел. А теперь она все так же стоит, а мужчина – исчез.

– Разве ты не помнишь, что там был мужчина?

Я повышаю голос, отец хмурится сильнее.

– Картина новая. Вернее, не новая, конечно, она здесь не висела, когда я жил в доме. Должно быть, мама зачем-то решила достать ее с чердака.

– А... – отвечаю, перекидывая волосы за спину. – Знаешь, я, наверное, ошиблась. Тут так много картин, а в этот коридор я, кажется, давно уже не заходила. Вот и запуталась. – Больше всего на свете мне хочется, чтобы с лица отца исчезло это взволнованное выражение. – А женщина роскошная, кем бы она ни была.

Папа кивает:

– Судя по одежде, она жила примерно в начале двадцатого века.

Я внимательно рассматриваю ее грандиозную шляпу и гордое выражение лица.

– Ты знаешь, кто это?

– Могу предположить, что это кто-то из дальних родственников. Кажется, припоминаю... мама рассказывала, они из Нью-Йорка. Кажется, кто-то из них пережил крушение «Титаника». Но больше мне о них ничего не известно.

«Титаник»?

– Хм, как интересно.

Глава 5

Это были предупреждения

Шелест океанских волн в ночи меня успокаивает. Я сжимаю пальцами перила и смотрю вниз, на белую пену волн, бьющихся о борт. Ярко освещенные иллюминаторы простираются по всей длине огромного корабля, сверкая на бесконечной поверхности воды подобно рождественским огням.

Я оборачиваюсь, осматривая палубу. Красиво одетая молодая пара стоит у перил и тихонько перешептывается. Трое мужчин в костюмах и цилиндрах, куря сигары и громко разговаривая, идут к двери в большой зал. Дворецкий распаивает ее перед ними. Я устремляюсь следом, но дверь закрывается прямо у меня перед носом.

Заглянув в окно, я открываю рот от удивления. Стены зала украшены изысканной лепниной, а с потолка свисают красивые люстры. Мужчины и женщины играют в карты и пьют шампанское из хрустальных бокалов. Платья этих леди напоминают мне о даме с портрета, который мы с отцом рассматривали в коридоре.

Я торопливо отступаю от двери. Что-то в этом месте меня настораживает, что-то неуловимое – я хочу вспомнить что, но не могу. Как будто пытаешься воткнуть иголку в каплю ртути. Все расплывается.

Возвращаюсь к парапету. Прямо у меня на пути, на палубе, лежит тот самый портрет из коридора. Рядом с ним – изумрудно-зеленое шелковое платье и серебристая книжица размером с игральную карту. Но всего секунду назад этого здесь не было! Я обхожу вещи и устремляюсь к воде. Ветер неистово треплет волосы. Меня охватывает непреодолимая жажда сбежать отсюда. Я поднимаю ногу, собираясь перелезть через парапет, но к лодыжкам словно привязали огромные гири...

Я распаиваю глаза, потом высоко поднимаю правую ногу, пытаюсь натянуть плотное одеяло. Раздается смех, и я резко сажусь, моргая из-за яркого света, бьющего в окно. В дверях стоит Джексон, одетый в голубые пижамные штаны и ярко-синюю толстовку.

– Извини, но я стучал, прежде чем войти, – смеется он. – Не знал, что ты предпочитаешь спать, задрав вверх руки и ноги.

– Джексон?

Делаю глубокий вздох. Я снова в своей комнате?

– Да, Сэм?

Скидываю одеяло.

– Который сейчас час?

– Уже поздно. Завтрак готов. Предки отправили будить тебя.

– Я у вас или у нас?

– У вас. – Он с сомнением протягивает: – Э, с тобой все в порядке? Выглядишь слегка... даже не знаю... ты расстроена чем-то?

– Все в порядке. – Я осторожно тру глаза. – Просто дурные сны.

Он кивает:

– Хочешь, побуду с тобой? Расскажу что-нибудь смешное, отвлечешься от плохих снов. Я смотрю на Джексона, лохматого, с этой манящей улыбкой, и качаю головой:

– Не нужно, но спасибо. Еще минуту поваляюсь.

Джексон задерживается на секунду и все же выходит из комнаты. Соскальзываю с кровати и засовываю ноги в черные пушистые тапочки. На туалетном столике, там же, где я его оставила вечером, лежит домашнее задание по «Титанику». Я замираю. Роскошный корабль,

гости в старомодной одежде. Хватаю с тумбочки телефон и вбиваю в поисковике: «палуба „Титаника“».

На первой же картинке вижу тот самый зал, который я рассматривала в окно. Но я никогда не видела его раньше! Как мог этот зал появиться во сне, если я не знала, как он выглядит? Пролистываю распечатки с заданием, чтобы проверить. Нет, ни одной фотографии. То, что мне приснился «Титаник», логично, но идеальная копия его палубы... это странно. Если только...

Я швыряю телефон на кровать и отшатываюсь. Если только этот сон не то же самое, что сны о Коттоне и ведьмах. Те сны... Это были предупреждения, которые начались после того, как я впервые увидела Элайджу и все вышло из-под контроля.

Прижимаю ладони к лицу. Вчера я увидела призрак девочки. Неужели миссис Мэриверз права, и появление духа предвещает беду?

– Нет! Нет! Только не это.

Глава 6

Хочу с этим покончить

Миссис Пауэлл, учительница по литературе, раздает экземпляры книги Арчибальда Грейси «Правда о „Титанике“». Ее волосы заплетены во множество косичек и собраны в элегантный высокий пучок, а простые подтяжки и белая блузка в разы моднее, чем брючные костюмы большинства преподавателей. Миссис Пауэлл – моя любимая учительница. Она терпеть не может глупостей, зато ко всем относится честно. А еще она была одной из тех, кто не отвернулся от меня после смерти Джона и обвинений Лиззи.

– Полковник Арчибальд Грейси освобождал от канатов последнюю складную лодку, когда корма тонущего «Титаника» поднялась вверх, – говорит миссис Пауэлл, проходя по рядам. – Полковника затянула под воду воронка, образовавшаяся от веса тонущего корабля, но ему повезло спастись и выплыть недалеко от той самой лодки. К несчастью, она была опрокинута и окружена людьми. Они провели в воде всю ночь, пока их не подобрала одна из спасательных групп. Температура воды на месте крушения была приблизительно минус два градуса по Цельсию.

Миссис Пауэлл бросает экземпляр книги на парту прямо передо мной. Черно-белое фото огромного корабля на обложке напоминает о сегодняшнем сне. Я мгновенно переворачиваю книгу обложкой вниз. Верхний левый уголок у нее потрепан, я обвожу пальцем потертый участок.

– В этой книге есть свои недостатки. Например, пассажирами третьего класса часто пренебрегают, их национальность практически не указывается, это просто цифры. Помните, что перед вами рассказ очевидца, его точка зрения. Полковник умер в декабре 1912 года из-за осложнений, вызванных переохлаждением. До публикации книги он не дожил.

Звенит звонок.

– Не забудьте, если будете вести читательские дневники, сможете получить тридцать дополнительных баллов. Некоторым из вас они жизненно необходимы, – замечает миссис Пауэлл, когда все встают.

Я запикиваю книгу в сумку и устремляюсь в коридор. Ни за что не стану читать эту гадость! Все, с этого самого момента избегаю всего, что касается «Титаника», держусь подальше от висящей в коридоре картины и точно не иду на танцы. С меня хватит!

Набираю нужную комбинацию замка и открываю шкафчик. Мимо в компании девчонок проходит Блэр.

– Приве-ет, Сэм, – говорит она, останавливаясь.

– Привет!

Так, сначала Ники со мной начинает говорить, а теперь Блэр?

– Зна-а-аешь, хочу спросить кое-что.

О боже, только не это. Долгое вступление выдает ее с головой.

– Дай угадаю, речь о каком-то родственнике, который умер?

Лицо Блэр озаряет улыбка:

– А она молодец! Да, звучит безумно, но несколько лет назад у нас умерла собака. С тех пор в саду неизвестно откуда появляются странные ямы. Знаешь, словно кто-то или что-то их выкапывает, и моя мама готова поклясться, что...

– Извини, я не могу.

– О, ты даже не дослушала!

Черт бы побрал это школьное собрание, на котором я рассказала, что вижу духов. В любом другом городе посчитали бы, что я просто чокнулась, но в Салеме все решили, что я

просто обязана проверить их чердаки и подвалы в поисках призраков умерших дедушек или бездомных кошек.

– Ага. Мне жаль, но нет.

Блэр скрещивает руки на груди, и на секунду воцаряется неловкая тишина.

– Может, полиция узнала что-то новое о женщине, которая напала на вас в лесу?

Я отворачиваюсь и достаю из шкафчика коробку с лан-чем. Боже, когда уже все отстанут от меня с этим?

– Пока ничего.

– Поверить не могу, вас пытались повесить, а эта таинственная женщина просто скрылась. – Блэр накручивает на палец прядь волос. – Это ужасно! Папа говорит, полиция совсем прекратила поиски. Подумаешь, какая-то психованная разгуливает поблизости, – кому какое дело?!

– Ужасно! – словно хор попугайчиков, повторяют ее спутницы.

Как можно говорить о самом ужасном, что со мной когда-либо произошло, так, будто это просто забавный слушок? Хлопаю дверцей шкафчика, отворачиваюсь от девушек и шагаю прочь.

– Ой всё, кто-то не в настроении, – хихикает Блэр мне вслед.

Ускоряю шаг, быстро сворачиваю в ближайший коридор и едва не врезаюсь в мужчину в старомодном костюме и шляпе. Дворецкий из сна! Я кричу и отштырываюсь от него. Мужчина вскидывает голову, и под полями шляпы я вижу... ухмыляющегося Диллона.

– Воу, сорри, Сэм.

Я выдыхаю.

– Чувиха, ты словно призрака увидела. Упс! Ты ж их вправду видишь. Что за чушь я несу? – смеется Диллон над собственной шуткой.

Слегка расслабляюсь и наконец делаю вздох:

– Не, просто не смотрела, куда иду и все. Во что это ты вырядился?

– Примеряю костюм для бала.

Из-под пиджака мелькает клочок его красной формы команды по лакроссу. Я выдавливаю улыбку:

– На тебя не похоже.

– Подружка. – Он ненадолго прерывает наш зрительный контакт. – Она считает, что мой наряд на прошлой вечеринке выглядел дерьмово. О, сорян... «не подходил случаю». – Диллон показывает пальцами кавычки.

– А-а-а... Ну, этот хорош. Прямо как с «Титаника».

Он сияет:

– Правда?

– Диллон! – пищит Блэр с другого конца коридора. – Я в восторге!

Да вы издеваетесь? Диллон встречается с ней? Такое убожество. Странно, что Джексон мне не сказал.

– Пока, – говорю я, но внимание парня уже занято Блэр.

Распахиваю заднюю дверь школы, шагая к излюбленной лавочке, на которой часто обедаю, и на долю секунды поскользываюсь на влажной траве. По бетонной площадке у лавочки тянется цепочка мокрых следов, оставленная парнем в старинном костюме, похожем на тот, который был на Диллоне. Низко опустив голову, парень сидит на моем любимом месте. Лицо его полностью скрывает шляпа.

– Дай-ка угадаю, ты друг Блэр и Ники?

Ответа нет. Парень даже не поднимает головы.

– Seriously, танцы только через две недели. Можно расслабиться и не усердствовать так с костюмами.

Плюс к тому это мое место. Чувствую себя жуткой собственницей.

Он встает. Шляпа поднимается, все еще пряча глаза, но открывая густую щетину на подбородке. Он старше, внезапно осознаю я. Лет двадцать, может, чуть больше. Я пачусь. В том месте, где он сидел, деревянная скамейка влажная. С него стекает вода. Морская вода. Ветер доносил до меня солоноватый запах. Температура вдруг словно упала градусов на десять.

В нашу сторону идут Ники и Мэтт. Кажется, они о чем-то спорят. Ники проходит прямо сквозь тело промокшего мужчины. Ужас обволакивает меня, обвиняет кольцами, словно удав.

Спорщики замечают мое выражение лица, Мэтт выглядит смущенным, а я разворачиваюсь и бросаюсь к школе.

– Сэм! – кричит Ники, но я даже не оглядываюсь.

Я мчусь по коридорам, туда, где сейчас точно должна быть куча народа, и врываюсь через двустворчатые двери в переполненный кафетерий. В уши врывается шум множества голосов. Останавливаюсь, слегка проскальзывая по полу. В дальнем конце зала за круглым столиком у окна сидят Наследницы. Все оборачиваются, наблюдая, как я иду прямо к ним. Блэр замечает, как тяжело я дышу, и начинает что-то шептать своим подружкам. Я словно попала в аквариум: вокруг множество людей, они охают и ахают, стучат по стеклу.

Я швыряю сумку на пол и выдвигаю стул из-под столика Наследниц.

– Хочу, чтобы духи навсегда оставили меня в покое. Как это сделать?

– О, и тебе привет, – отзывается Элис.

– В смысле? Что значит «оставили в покое»? – спрашивает Мэри, панически оглядываясь.

Она переходит на шепот: – Они сейчас здесь?

– Нет, но...

Я умолкаю, раздумывая, как бы лучше рассказать. Ой, да плевать, хватит уже приукрашивать реальность!

– Только что во дворе школы я видела мужчину в старинном костюме, с которого стекала соленая вода. Как будто он вышел прямо из океана, но сначала в нем утонул.

Мэри округляет глаза. Сюзанна окидывает взглядом соседние столики.

– Ладно, идем, – говорит Элис.

– О, сейчас я выйду на улицу, только если школа загорится.

Элис встает из-за стола, а следом за ней остальные Наследницы.

– Тебе нужна наша помощь или нет? – интересуется она.

Я не двигаюсь с места.

– Мы не пойдем на улицу, – добавляет Сюзанна. – Честно.

Встаю, отталкивая стул, и мы выходим из кафетерия – черная стайка среди ярких цветов. Все взгляды устремлены на нас. Элис петляет по коридорам и останавливается перед какой-то дверью без таблички.

– Есть! – воскликнула Мэри, распахивая дверь.

Она что, вскрыла замок?

Сюзанна осматривается, проверяя коридор, и выпаливает:

– Заходим.

Мы забиваемся в пыльную комнату и закрываем за собой дверь. Элис щелкает выключателем. Мы в хранилище, полном картотечных шкафов. Мэри достает черный шерстяной плед и расстилает его на полу. Она что, всюду его таскает, ожидая, пока не случится что-то магическое?

– Как вы узнали об этом месте?

Элис пожимает плечами и опускается на плед. Мы присоединяемся к ней.

– Откуда знаете, как сюда попасть?

Мэри открывает рот, собираясь ответить, но Элис кладет руку ей на плечо, заставляя замолчать.

– Почему мы должны рассказывать, если ты не желаешь присоединиться к кругу? – спрашивает она.

– Почему я должна присоединяться к кругу, если вы ничего не рассказываете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.